

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Тарасевич И.Б.

КРИТЕРИИ АДЕКВАТНОСТИ ЯЗЫКА ЗАКОНА В ОБЫДЕННОМ ПРАВОСОЗНАНИИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Аннотация: Предметом статьи являются проблемы мировоззренческого характера, касающиеся теории и логики правосознания, а также определения качества закона в деятельности полиции. Кроме того, в статье рассматривается проблема соответствия языка закона тем требованиям, которые предъявляются к нему обыденным правосознанием. Доказывается, что обыденное правосознание склонно приписывать языку закона свойства, присущие общеупотребительному языку, что затрудняет обеспечение его адекватности. Основное внимание в статье уделяется разработке методологии улучшения качества законотворческого процесса в современных социально-экономических условиях. Кроме того, в статье проводится теоретико-правовой анализ понятий концепций развития права и закона. Рассматриваются авторские позиции относительно толкования и правовой идеологии. Методологическую основу статьи составили современные достижения теории познания. В процессе исследования применялись общеправовые, философские, теоретические методы (диалектика, системный метод, анализ, синтез, аналогия, дедукция, наблюдение, моделирование), традиционно правовые методы (формально-логический), а также методы, используемые в конкретно-социологических исследованиях (статистические, экспертные оценки и др.). Основным выводом, который сделан по итогам исследования, состоит в том, что в настоящее время для обеспечения правопорядка в сфере внутренних дел необходимо совершенствовать формы и методы законотворческого процесса. Основным вкладом, который сделан автором в настоящей статье это необходимость развития теории и логики правосознания сотрудников полиции. Новизна статьи заключается в разработке предложений по развитию форм и методов законотворческого процесса, а также создание правовых и организационных гарантий законности в нашей стране.

Ключевые слова: Язык, закон, право, сотрудник, сознание, правосознание, критерий, адекватность, точность, логика.

Review: The subject of the research includes the philosophical problems of the theory and logic of legal conscience and the determination of the quality of law in the police work. The article considers the problem of the language of law correspondence

with the requirements of an everyday legal conscience. The author proves that the everyday legal conscience often endows the language of law with the features of the common language thus hampering the provision of its adequacy. The main attention is paid to the development of methodology of the lawmaking process quality improvement in the current socio-economic circumstances. The author carries out the theoretical and methodological analysis of the concepts of development of right and law. The article demonstrates the author's positions on the interpretation and the legal ideology. The methodology of the study is based on the recent achievements of epistemology. The author applies general philosophical and theoretical methods (dialectics, the systems method, analysis, synthesis, analogy, deduction, observation and modeling), traditional legal methods (formal logical) and the methods of special sociological research (statistical, expert assessments, etc.). The author concludes that recently, in order to provide legality in the sphere of internal affairs, it is necessary to improve the forms and methods of lawmaking process. The main contribution of the author is the conclusion about the need for the development of the theory and logic of police officers' legal conscience. The novelty of the study lies in the suggestions for the development of the forms and methods of the lawmaking process and the creation of legal and organizational guarantees of legality in Russia.

Keywords: *Criterion, legal conscience, conscience, employee, right, law, language, adequacy, accuracy, logic.*

Адекватность языка закона есть свойство, существо которого заключено в соответствии реально присущих языку закона характеристик тем требованиям, которые являются существенными и необходимыми условиями оптимальной связи этого языка с действующим правом, правовой практикой и установками массового правосознания. Уяснение того, в чем состоит адекватность языка закона, требует уточнения критериев, по которым она может быть установлена.

Наиболее очевидной является постановка вопроса об адекватности языка закона как о его соответствии требованиям, установленным нормами действующего права, которые в отечественной правовой теории принято называть требованиями законодательной техники [1]. Вместе с тем, имеются и другие аспекты

проблемы адекватности языка закона. Один из таких аспектов связан с соответствием языка закона тем представлениям о признаках, свойствах, которые формируются в массовом правосознании и находят свое выражение в идее правового языка (языка права), устойчиво воспроизводящейся на уровне массового правосознания.

Массовое правосознание является обыденным [2] и опирается, прежде всего, на правовой опыт. При этом, поскольку оно формируется не только как результат повседневного познания правовой действительности, но и как результат правовой социализации, постольку речь в данном случае идет, в том числе, и о «правовом опыте народа» [3]. Более того, именно последний является для массового правосознания первичным, составляет идейно-психо-

логическую основу, с точки зрения которой рассматривается и оценивается все то, что составляет для человека правовую действительность. Он же в первую очередь определяет и критерии оценки языка закона в качестве правового.

Основой формирования обыденных представлений о правовых качествах языка закона, а, соответственно, и о критериях его адекватности, служат ментальные установки и идеи правосознания, определяющие типичное для конкретного общества правовопонимание. Находя свое осуществление в повседневной правовой практике, такие представления создают ощущение реализованности предъявляемых к языку закона правовых требований. В том случае, если повседневная правовая практика свидетельствует о том, что обусловленные ментальными установками и идеями правосознания предъявляемые к языку закона требования не находят своей реализации – либо в силу того, что они оказываются неактуальными, не востребованными самой практикой, либо в силу того, что их реализация является объективно невозможной, – формируется убежденность в неправовом характере языка закона, а, значит, в его неадекватности.

Специфика российского правового менталитета получила всесторонний анализ в целом ряде специально посвященных ему исследований [4]. В этой связи полагаем возможным ограничиться указанием на то, что характерное для российского обыденного правосознания понимание критериев адекватности языка закона обуславливается, прежде всего, специфическим содержанием идеи закона, особым пониманием ее связи с идеей права.

Тот факт, что понятие «закон» существует уже в период праславянского единства [5], дает основания считать, что зарождение соответствующей идеи относится к тому же периоду. Однако на самом деле формирование идеи закона в современной ее интерпретации все же происходит несколько позднее.

Несмотря на то, что в обыденном правосознании связь идей закона и права существует всегда, утверждения об их тождестве не обнаруживаются ни на одном историческом этапе развития отечественной правовой системы. Как справедливо подчеркивает И.А. Петрулевич, «первое коллективное представление, которое можно фиксировать, – закон не всегда прав» [6]. И такое понимание закона предполагает признание того, что, чтобы быть правовым, закон должен соответствовать предъявляемым к нему обществом требованиям.

Базовыми критериями, на основе которых решается вопрос о том, является ли закон правовым, традиционно выступает даже не его способность выражать справедливость и правду и обеспечивать их фактическое воплощение в реально существующих общественных отношениях, а наличие у человека возможности «жить по совести», не нарушая закон.

Позитивные оценки закона связаны не с обнаружением его ценности, значимости для общественной жизни, реализации притязаний человека, а с отсутствием негативных последствий его действия для осуществления правды, которая и выступает подлинным правом. Принимая во внимание данное обстоятельство, можно утверждать, что основным показателем адекватности языка

закона в российском массовом правосознании является отсутствие у него характеристик, при наличии которых затрудненной оказывается реализация в основанной на действующих законах практике базовых для отечественной правовой культуры ценностей – справедливости, милости, моральности и т.д.

К числу таких характеристик, которые выступают основанием для оценки языка закона массовым правосознанием в качестве адекватного прежде всего может быть отнесено отсутствие у языка закона такого свойства, как недоступность обыденному пониманию. Если текст закона непонятен, то правило «незнание закона не освобождает от ответственности» оказывается морально подорванным [7]. Для массового правосознания характерно представление о том, что несправедливо требовать исполнения закона, незнание которого связано лишь с тем, что его требования, в силу сложности его языка, трудно уяснить. Несправедливым является наказание за несоблюдение законодательного предписания, реализовать которое затруднительно в силу того, что его сложно понять.

Также в оценке языка закона массовое правосознание исходит из того, что недоступность языка закона создает почву для злоупотреблений правоприменителей, для вынесения ими несправедливых, неправосудных, т.е., в конечном счете, неправовых решений.

Характеристикой, лишаящей язык закона правового характера, а, значит, и адекватности по той причине, что ее наличие становится предпосылкой для злоупотреблений, препятствующих реализации подлинного права, с точки зрения обыденного правосознания вы-

ступает его существенная отличность от обиходного языка.

В обыденном понимании специализированность языка закона, несоответствие его стандартов общезыковым нормам способствует тому, чтобы закон из реального регулятора отношений между людьми превратился в инструмент обеспечения узкогрупповых интересов, решения политических и идеологических по своему характеру задач. Соответственно, адекватный язык закона – это язык, максимально приближенный к обиходному.

Следующей характеристикой в ряду тех, которые выступают основанием для оценки языка закона массовым правовым сознанием в качестве адекватного, выступают его красноречивость, образность.

Красноречивость, образность с точки зрения массового правосознания выступает свидетельством высокого уровня языковой культуры закона, что, в свою очередь, признается критерием адекватности языка закона постольку, поскольку моральное и эстетическое в массовом правосознании неразрывно связаны. «Что красноречие не прихоть, это доказывается: а) естественную склонностью человека облагораживать, совершенствовать и украшать все свои произведения... б) потребностью ясных и живых созерцаний, которым преимущественно и способствуют все риторические украшения ... оригинальные сравнения, хитрые намеки ... с) необходимостью вразумлять человека в сомнительных и запутанных положениях жизни; d) властью победительного слова над движениями страстей, кои содержат нашу душу в неослабной деятельности и влекут к новым идеям, к смелым предприятиям» [8].

Стремление к тому, чтобы язык закона был красноречивым и образным, обусловливается тем, что для российского сознания эстетика языка вообще традиционно является значимой. «В России долгое время легкость восприятия текста считалась второстепенной по отношению к описанию деталей и образов, выявлению глубинных смыслов» [9], и эта черта во многом определяет обыденное отношение к языку закона сегодня.

Важным показателем адекватности языка закона с точки зрения массового правосознания выступает его стабильность.

Динамика объективно присуща любому языку, однако скорость изменения разговорного языка может не совпадать со скоростью изменения языка закона как специализированного языка. Сегодня язык закона развивается быстрее, чем литературный язык, и в первую очередь вследствие того, что «в последнее время, когда укрепляются контакты между странами и народами ... в нормативном материале появляется много иностранных терминов» [10]. С одной стороны, нестабильность языка закона снижает его информативность – уяснить с необходимой степенью точности смысл законодательных предписаний оказывается затруднительным. С другой стороны, нестабильность языка негативно влияет на отношение к самому закону – его авторитетность снижается.

Важным качеством языка закона, которое традиционно рассматривается в качестве критерия его адекватности массовым сознанием, выступает его самобытность.

О несамобытности, ненациональности в применении к отечественным зако-

нам традиционно говорят как о дефекте [11]. При этом основанием для критики становится не только заимствование законодательного материала, образцов нормативного регулирования, но и иноязычной лексики.

Представляется, что самобытность языка закона неразрывно связана с его красноречивостью и образностью. Самобытность языка позволяет сделать его более выразительным, поддержать интерес у адресатов законодательных предписаний, воздействовать не только на их разум, но и на эмоции, вызвав тем самым общественное одобрение.

Анализируя критерии адекватности языка закона, характерные для российского обыденного правосознания, можно обнаружить следующее.

Во-первых, обыденное правосознание склонно приписывать языку закона свойства, присущие общеупотребительному языку. Поскольку язык закона с обиходным языком совпадать не может, постольку фактически речь идет о требовании соответствия языка закона в том числе и таким критериям, которым он, в силу его специфики, соответствовать не может.

Во-вторых, обыденным правосознанием адекватность языка закона не связывается с тем, соответствует ли он технико-юридическим, в том числе законодательно закрепленным требованиям. Более того, отдельные критерии адекватности языка закона в том их понимании, которое характерно для обыденного правосознания, противоречат технико-юридическим критериям (например, образность, красноречивость языка закона исключают его точность, определенность и терминологическое

однообразии, которым в теории юридической техники традиционно придается особое значение).

В-третьих, обыденным правосознанием язык закона признается адекватным вне зависимости от того, насколько он обеспечивает реализацию объективно присущих ему функций.

В-четвертых, критерии, исходя из которых обыденным правосознанием решается вопрос об адекватности языка закона, составляют систему; они содержательно связаны между собой и составляют целостное единство. В отличие от критериев адекватности языка закона, обнаруживаемых в обыденном правосознании, технико-юридические критерии, например, в силу специфики механизма формирования нормативных требований к языку закона, составляют лишь совокупность, хотя они и могут быть систематизированы.

Итак, подведем итоги.

Показателем адекватности языка закона для обыденного правосознания выступает отсутствие у него характеристик, препятствующих реализации в основан-

ной на действующих законах практике базовых для обыденного правосознания ценностей. При этом адекватность языка закона не связывается с тем, соответствует ли он предъявляемым к нему технико-юридическим требованиям и реализует ли он присущие языку закона функции.

Критерии, исходя из которых обыденным правосознанием решается вопрос об адекватности языка закона, содержательно обусловлены спецификой правового менталитета и правовой культуры общества.

Российское обыденное правосознание склонно приписывать языку закона свойства, присущие обиходному языку. Однако, в силу того, что язык закона с обиходным языком далеко не всегда объективно может совпадать, достижение адекватности языка закона на практике оказывается достижением одного из широкого диапазона состояний, в каждом из которых язык закона по своим значимым характеристикам с точки зрения массового правосознания оказывается близок обиходному языку.

Библиография:

1. Кибак И.А. Законодательная техника в законотворческой деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 1. С.214.
2. Бреднева В.С. Уровни правосознания и юридическая деятельность. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2010. С.35.
3. Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. С.19.
4. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России. Саратов: СЮИ МВД России, 2008.
5. Зимин А.А. Правда Русская. М.: Древлехранилище, 1999. С.65.
6. Петрулевич И.А. Российское правосознание: теоретические модели и реальное состояние. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. С.141.
7. Презент М. Как писать законы // Советская юстиция. 1930. № 17. С.21.
8. Галич А.И. Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений, извлеченная из немецкой библиотеки словесных наук // Русская риторика: Хрестоматия. М.: Просвещение, 1996. С.167.

9. Юртаева Е.А. Язык закона и техника законотворчества в дореволюционной России // Журнал российского права. 2009. № 11. С.109.
10. Кашанина Т.В. Юридическая техника. М.: Эксмо, 2007. С.232-233.
11. Юртаева Е.А. Язык закона и техника законотворчества в дореволюционной России // Журнал российского права. 2009. № 11. С.113.
12. Овчинников Н.А. Акты применения в административно-правовом механизме обеспечения законности в системе МВД России // Административное и муниципальное право. – 2012. – 1. – С. 38 – 42.
13. Личковаха А.В. Ключевые показатели эффективности деятельности уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации (на примере Дальневосточного федерального округа) // Административное и муниципальное право. – 2015. – 10. – С. 1055 – 1060. DOI: 10.7256/1999-2807.2015.10.15155.

References (transliterated):

1. Kibak I.A. Zakonodatel'naya tekhnika v zakonotvorcheskoi deyatel'nosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 1. S.214.
2. Bredneva V.S. Urovni pravosoznaniya i yuridicheskaya deyatel'nost'. Yuzhno-Sakhalinsk: SakhGU, 2010. S.35.
3. Voplenko N.N. Pravosoznanie i pravovaya kul'tura. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2000. S.19.
4. Bainiyazov R.S. Pravosoznanie i pravovoi mentalitet v Rossii. Saratov: SYul MVD Rossii, 2008.
5. Zimin A.A. Pravda Russkaya. M.: Drevlekhranilishche, 1999. S.65.
6. Petrulevich I.A. Rossiiskoe pravosoznanie: teoreticheskie modeli i real'noe sostoyanie. Rostov-na-Donu: IPO PI YuFU, 2009. S.141.
7. Prezent M. Kak pisat' zakony // Sovetskaya yustitsiya. 1930. № 17. S.21.
8. Galich A.I. Teoriya krasnorechiya dlya vsekh rodov prozaicheskikh sochinenii, izvlechennaya iz nemetskoj biblioteki slovesnykh nauk // Russkaya ritorika: Khrestomatiya. M.: Prosveshchenie, 1996. S.167.
9. Yurtaeva E.A. Yazyk zakona i tekhnika zakonotvorchestva v dorevolyuetsionnoi Rossii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2009. № 11. S.109.
10. Kashanina T.V. Yuridicheskaya tekhnika. M.: Eksmo, 2007. S.232-233.
11. Yurtaeva E.A. Yazyk zakona i tekhnika zakonotvorchestva v dorevolyuetsionnoi Rossii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2009. № 11. S.113.
12. Ovchinnikov N.A. Akty primeneniya v administrativno-pravovom mekhanizme obespecheniya zakonosti v sisteme MVD Rossii // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. – 2012. – 1. – С. 38 – 42.
13. Lichkovakha A.V. Klyuchevye pokazateli effektivnosti deyatel'nosti upolnomochennogo po pravam rebenka v Rossiiskoi Federatsii (na primere Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga) // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. – 2015. – 10. – С. 1055 – 1060. DOI: 10.7256/1999-2807.2015.10.15155.